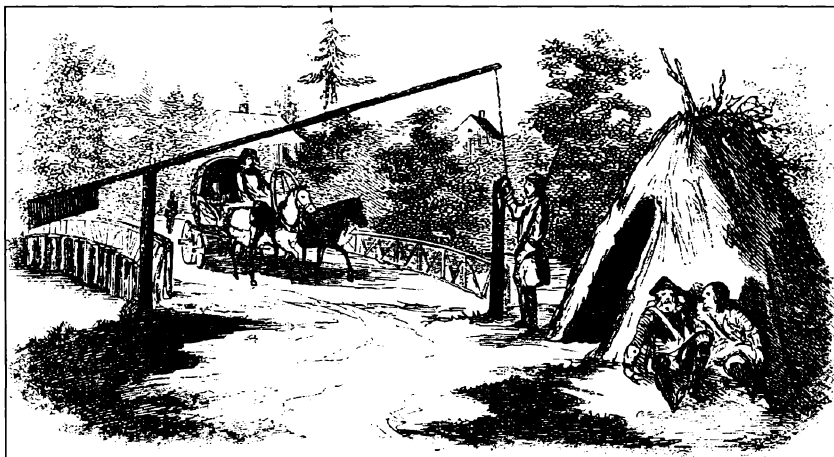

Как известно, Петру принадлежит знаменитая фраза: «Париж воняет!» Его «Парадиз» вонять не имел права. Регулярность строительства позволяла более последовательно, чем в других городах, провести в жизнь правила гигиены. Полиция следила за чистотой улиц, порядком на рынках, опрятностью торговых мест и даже требовала, чтобы продавцы съестного надевали специальные фартуки. Наблюдение за другими правилами торговли тоже входило в обязанности полиции — меры и веса должны быть «заорленными, прямыми (т. е. с клеймом, точными. — *Е. А.*)», а цены невысокими, неуказная торговля пресекалась, в праздник в лавках сидеть было запрещено. Крыши на палатках и шалашах надлежало делать из холстины, а не из рогож, запрещалось также продавать «нездорового

Караул у заставы при Аничковом мосте

¹²⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 52. Л. 9.

¹²⁷ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...». С. 146—147.

какого съестного харчу и мертвечины». Полицейские работали и «дегустаторами»: проверяли, нет ли в вине примесей воды или кваса.¹²⁸ Рублем и плетью они выбивали из петербургских жителей скверную привычку выливать помои, сваливать «скаредный помет и мертвечину», строительный мусор перед домами, в реки или каналы. Дело это было для полиции непростое, хлопотное. Как известно, в регламенте Адмиралтейств-коллегии самой короткой, но, наверное, самой трудноисполнимой должностной инструкцией был регламент профоса, которому предписывалось смотреть, «чтобы не испражнялись мимо отхожих мест», ловить таких любителей вольного воздуха, заставлять чистить место преступления и пороть их морскими кошками — многохвостной плеткой. Добиться чистоты было трудно. Петровские указы с грустью и меланхолией констатировали как непреложный факт: «Многое скаредство и мертвечина валяется по улицам».¹²⁹

Как только раздавался «тревожный бой» барабана, горожанам следовало быть возле дома и ждать распоряжения начальства.¹³⁰ Дело в том, что с 1719 г. городские власти активно реализовывали царский указ, чтобы «для лутчаго прекращения воров и протчих непотребных людей зделат плахболы (шлагбаумы. — Е.А.) и при них быть от всех дворов ночному караулу». В своем указе 1719 г. об этом нововведении Девьер успокаивал жителей, волновавшихся, как бы их не переквалифицировали в будочников: «Иному достанетца такой караул в месяц одна ночь».¹³¹ Из горожан, организованных в десятки, полусотни и сотни, были созданы ночные дозоры, которые следили, чтобы «в ночи, в неуказные часы никто не ходили, кроме знатных персон, и огни в домах тушили, и никакого питья и товаров не продавали». Всего еженощно караулить ночную тишину должны были 1200 сторожей. Если же исходить из того, что в городе было 40 000 жителей, то на каждого выпадало одно дежурство в месяц. Но реально в начале 1720-х гг. жители охранное дело саботировали и выставляли 171 караул в ночь — всего 342 человека, остальные караулы восполнялись военными.¹³²

В городе фактически действовал, по современному говоря, постоянный комендантский час, обусловленный законами военного времени. Согласно регламенту Адмиралтейства, «ходить по улицам после десяти часов в летнее время, а в зимнее после осми часов... запрещено».¹³³ Этот регламент распространялся не только на военных, но и на всех горожан, и строго соблюдался. В 1720 г. полиции и стражникам предписывалось «в неуказные часы никого без фонарей не пропускать, кроме знатных персон и при них служителей, також бабок повивальных, но и у тех бы были

¹²⁸ Там же. С. 141.

¹²⁹ ПСЗ. Т. 5. № 3210, 3212.

¹³⁰ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...». С. 139.

¹³¹ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Л. 1 об.

¹³² Агеева О. Г. «Величайший и славнейший...». С. 147.

фонари, которых пропускать без задержания, но и между теми присматривать же, не будет ли кто другие под тем видом приходить, паче же исподлых». Из «подлых» — простолюдинов — разрешалось с фонарем пропускать «за крайней нуждой» только по одному человеку, при этом «осматривать, кто что понесет явно или тайно под полою и свидетельствовать, чьи то подлинно, и не имеется у них какова к воровству оружия, и к зажиганию серы, пороху или иного тому подобного». Солдатам и матросам полагалось иметь при себе особые «билеты» от своих командиров — тогдашняя разновидность увольнительной. Естественно, наведение ночного порядка и тишины не обходилось без шума, драк и скандалов. В феврале 1720 г. пороли кошками шпажного мастера Василия Зернова, который был взят «у рогатов в неурочные часы бес фонаря и с караульщиком дрался и брать себя под караул не давался». ¹³⁴ Точно так же поступали с теми, кто пытался выйти из города без «пропускного письма». Таких, как школьник Василий Рокотов, шедший без пропуска, «на заставе на Красном Кабачке», «брали под караул». ¹³⁵ В целом порядок в Петербурге, по-видимому, был. Как говорил в 1731 г. академик Бильфингер, «я в течение 5-ти с половиной лет ни разу не слышал, чтобы кого-нибудь ночью на улицах ограбили. И это я считаю за верх искусства русской полиции... Если кто-нибудь на улице или в доме вздумает на меня напасть, то я кричу "Караул!", ближний сторож, услышав мой крик, ударяет в трещотку, которая у него в руке, и приближается к месту шума. То же делают все соседственные сторожа, которые, услыша трещотки, производят тот же звук и отправляются в направлении сигнала. Так смысл доходит в одно мгновение, подобно беглому огню до ближайшей казармы или гауптвахты, во второе мгновение все выходы улиц заперты, в третье мгновение виновник шума сидит на гауптвахте и ожидает наступления дня с твердой уверенностью в справедливом награждении. Теперь вы верите, что город безопасен!» ¹³⁶

И все же лучше было не быть таким оптимистом, как академик Бильфингер, который жил во Французеской слободе, и ночью не выходить из дома. Зимой одинокого ночного путника поджидали не столько убийцы и грабители, с которыми полиция боролась, сколько волки, целыми стаями — в 30—40 особей — вторгавшиеся в город и дерзко нападавшие на людей и скотину прямо на улицах и набережных. Как пишет иностранный путешественник, зимой голод толкает хищников на дерзкие нападения в черте города. Собаки — первые, кто подвергается нападению волков, их «уволакивают от дверей домов и со дворов. В 1714 г. в городе

¹³³ РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Л. 13 об.—14.

¹³⁴ Там же. Д. 53. Л. 52.

¹³⁵ Письма и выписки... Стб. 1236.

¹³⁶ Бильфингер Г. Б. Извлечение из речи, произнесенной в 1731 году о петербургских достопримечательностях // Ученые записки императорской Академии наук по Первому и Третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3. С. 711—712.

Петербурге волки, напав на часового перед Литейным двором, свалили его на землю. Другой солдат прибежал на помощь, но его тут же разорвали и сожрали».¹³⁷

Хозяева домов обязывались сразу же приносить в полицию ведомость о каждом человеке, который к ним приехал, будь то отходник или постойлец, которому негде было переночевать. Хозяин должен был извещать полицию и обо всех, кто уезжал из его дома. Нарушителя указа ждали кнут, каторга и конфискация имущества. Указом 20 июля 1718 г. предписывалось «всех гулящих и слоняющихся людей, особливо которые под видом, аки бы чем торговали, и которые будут по улицам пьяные кричать и песни петь, и ночью ходить, и не в указные часы шататься — таких хватать» и сдавать в полицию.¹³⁸ Петр сам строго следил за состоянием улиц и порядком на них. Многие городские чиновники, от губернатора Меншикова, генерал-полицмейстера Девьера до последнего сторожа, заснувшего на посту, отведали его знаменитой дубинки.

Конечно, это не избавляло город от грабежей, краж и безобразий. Беглые прятались в городе и в его окрестностях. В 1721 г. был схвачен вор, беглый солдат Петр Федоров, который обворовал казенный амбар. Из допроса видно, что он «первую ночь начевал за рекою Большою Невою, близ Литейного двора, в пустом дворе... другую ночь — на Аптекарском острову, за торговыми барками, третью — в вольном доме на Сытном рынке у отставного урядника, у Савелия Григорьева». В ночь кражи «был он в поле за солдатскою Бахмеотовой слободою пьян и проснулся в полночь, и пошел по малой речке по берегу между Санктпетбургского и Аптекарского острову (т. е. по Карповке. — Е. А.), где нет караулов, и пришел к старому Казенному дому», после чего и вошел в амбар.¹³⁹ Как видим, передвигаться по ночному городу можно было и не натываясь на караулы.

Солдат Филипп Коровин был из таких же «шалунов», как Федоров. В феврале 1723 г. он снял с чердака сушившееся там белье лавочных сидельцев. Любопытен список снятых им вещей: «рубаша, двое портки, платок пестрой, четыре полотенца, три платка шапочных, пять галстуков, две повязки, две наволочки». А так как дело было в феврале, то, видно, бельевой вор так гремел заледенелыми портками и галстуками, что был замечен и снят с чердака разбуженными жильцами.¹⁴⁰ В 1724 г. произошло вообще событие уникальное — обворовали самого царя. Из мыслей государя в Петергофе караульный солдат Василий Истомин и его 14-летний сообщник украли три занавески. Истомин был пойман и приговорен к смертной казни, замененной кнутом и каторгой.¹⁴¹ Видно, краж царского имущества опасались и раньше — в 1719 г. у кузнеца был за-

¹³⁷ Вебер Ф. Х. Из книги «Преображенная Россия». С. 124—125.

¹³⁸ ПСЗ. Т. 5. № 3210.

¹³⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 306. Л. 71.

¹⁴⁰ Там же. Оп. 4. Д. 53. Л. 59.

¹⁴¹ Там же. Д. 53. Л. 127.

казан «большой железный замок в Летний дом Ее величества к казенной Ее величества», то есть к особой кладовке.¹⁴²

Впрочем, и днем, как и теперь, со своих вещей глаз спускать было нельзя — украдут в один миг! Беглый солдат Федоров помянул на допросе, что жил в «вольном доме на Сытном рынке». Поблизости были многочисленные притоны, и вообще место имело славу московской Хитровки. Иностран- ный путешественник писал: «Если пройти далее мимо крепости, то подой- дешь к татарскому рынку, расположенному против кронверка. Здесь можно частично просто на улице, на дороге, частично в двух рядах лавок купить дешево всевозможные товары, такие, как старое платье всевозможных на- циональностей, лапти, все сорта старого железа, нитки, старые веревки, де- ревянные седла... и тому подобные вещи. У этих лавок обычно находится большая часть продавцов, и толкотня бывает так велика, что тот, кто туда попадает, должен беречь свой кошелек, шпагу, также шляпу и парик или должен для лучшей безопасности держать все это в руках. Если бы некий гренадерский капитан гвардии (немец), а также некая дама были бы поосто- рожнее, то не пошли бы домой — первый без шляпы и парика, а вторая без ожерелья. Ибо с ними обоими случилась такая беда, что в один и тот же день, но у одного после другого и в разных местах рынка проезжающий на плохой татарской кляче всадник без всякого разрешения отнял эти украше- ния каждое особым движением. Затем он, под смех толпы, поблагодарил их, повернувшись к ним спиной и тут же с кратким приветствием предложил краденое в продажу и вслед за тем поехал своей дорогой».¹⁴³

25 февраля 1722 г. посадский Переславля-Залесского Федор Саврасов кричал «Караул!» и был приведен в полицию с каким-то прохожим. Сав- расов показал, что торгует «в мясном ряду, в мазанке и сего февраля... купил он на рынке ящик — дал 6 алтын, и нес на свою квартиру, и как будет против Мытного двора, оной ящик, поставя на землю, стал мочит- ца, а приводной с ним человек, идучи дорогою и, нашед тот ящик, унес, и он, Саврасов, стал было у него тот ящик брать, и он стал ево (Савра- сова. — Е. А.) бить, того ради он, Саврасов, кричал „Караул!“ и карауль- ные салдаты взяли их и привели в гварнизон».¹⁴⁴

Отступление

Тут жили не только праведники и праведницы

Как известно, всякую армию в походе сопровождали толпы «прили- пал»: маркитанты, мелкие торговцы, прачки, проститутки и прочая подозрительная публика. Всякие попытки полководцев избавиться от

¹⁴² АСПБII. Ф. 115. Д. 604. Л. 119 об.

¹⁴³ «Описание... столичного города»... С. 220.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 25. Л. 26.

маркигантских повозок были обречены на провал — армия без них обойтись не могла: где еще можно было продать трофеи, купить вино или нужные солдату мелочи, прогулять в увольнении жалованье? Так, с самого начала в Петербурге селились люди, «помогавшие» солдатам и жителям легко избавиться от денег или вкусить запретных плодов. 19 августа 1721 г., по указу генерал-губернатора А. Д. Меншикова, полиция водила по улицам Петербурга арестанта — солдата Антипа Селезнева — для опознания мужчин и женщин, обвиненных им «в розглашении непристойных слов разных чинов людям». Сохранился «Реестр, кого солдат Селезнев опознал». «Языка» водили там, где он наслушался «непристойных слов», преимущественно по притонам и так называемым «вольным» домам. Протокол опознания и допросы жильцов и хозяев, по видимому, составлялись на месте: «На дворе торгового иноземца Меэрта никого не опознал, и сказал он, Селезнев, что той бабы нет, а он, Меэрт, сказал, что, кроме тех людей, других никаких нет и такой бабы, про которую он, Селезнев, говорил, не бывало. На дворе торгового иноземца Вулфа опознал жену ево Магрету Дреянову. На дворе государева денщика Орлова, в котором живет иноземец Иван Рен, опознал чухонку Анну Степанову».¹⁴⁵ Список первых петербургских притонов длинен; как и список прегрешений Селезнева и ему подобных гуляк, находивших даже в городе, славившемся своим строгим полицейским режимом, места значные, «вольные», полиции недоступные. Там играли в карты и зернь, как записано в указах, владельцы их «сами шинкуют и шинкарей держат, и торгуют всяким заповедным питьем». Кабаки были самыми оживленными местами развлечений простолюдинов. В одном из указов говорится о том, что можно было наблюдать не только в Петербурге, но и по всей стране: «А больше живут в кабаках и в торговых банях, на рынках и в харчевнях, и в вольных домах».¹⁴⁶ Речь идет о спившихся субъектах, которые пропили все и жили безвылазно в кабаках и банях, так как выйти на улицу им было не в чем. Во время переписей и облав они проходили по разряду «голые».

За 1721 г. сохранилось дело, живо передающее «проблемы» любителей хмельного. 27 февраля живописец Федор Григорьев и его ученик поймали и привели в полицию целовальника Григория Никитина. Оказывается, рано утром они шли на работу «на Гончарной двор для письма образцов и пришед к избе, где продажа винная, увидали целовальника... несет из Невы-реки в горшке воду с крупю и с тою водою они ево, целовальника, поймали», заподозрив, что тот разбавляет драгоценный напиток простой водой. Целовальник стоял на допросе на том, что не вино разбавлял, а «ходил на Неву-реку по воду для варения на пропитание себе каши, в котором горшке и крупы были».¹⁴⁷ Наличие крупы на дне горшка и

¹⁴⁵ Письма и выписки... Стб. 1250—1251.

¹⁴⁶ ПСЗ. Т. 5. № 3212.

¹⁴⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Д. 18а. Л. 276 об.

Ассамблея при Петре Великом. Гравюра с картины Хлебовского

Свадьба карликов в 1710 г. С голландской гравюры

решило дело в его пользу. Что было с непрострезвевшими с вечера живописцами, не знаю — наверное, выпороли плетью да выпустили.